

A romantic couple, a woman on the left and a man on the right, are shown in profile, holding hands. They are standing in a futuristic, metallic environment that looks like the interior of a spaceship. In the background, a large, glowing hourglass is suspended, with a vibrant galaxy visible inside its upper bulb. The scene is filled with stars and cosmic light, creating a dreamy and romantic atmosphere.

Екатерина Жуланова

Осколки
Бумеранга.
Симфония
любви

Светлана Жуланова

**Осколки Бумеранга.
Симфония любви**

«Автор»

2026

Жуланова С.

Осколки Бумеранга. Симфония любви / С. Жуланова — «Автор», 2026

Земля, 2056 год. Наступила эпоха тотального изобилия. Роботы стерли быт и нужду, а вместе с ними — полярность чувств. Общество идеальных, сытых одиночек застряло в ментальном болоте, потеряв способность любить. В это же время в 5000 световых лет отсюда вселенский сверхкомпьютер Бумеранг заходит в тупик, безуспешно перебирая триллионы сухих суперпозиций будущего. У интеллекта звезд нет главной переменной — сердца. Легендарный экипаж станции «Квант-7» возвращается из безмассового света на Землю. Их цель — запустить протокол «Бинарного Аккорда» и взломать Вето на Абсолют. Но их вычислительным кубитом становится пара абсолютно несовместимых людей: Кристина с ледяной избегающей броней прошлых травм и Макс — тревожный эмпат, влюбленный в нее с детства. Смогут ли Симфония их Любви переписать законы термодинамики Вселенной? Интеллектуальный hard-sci-fi триллер о физике чувств и свободе духа.

© Жуланова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Светлана Жуланова

Осколки Бумеранга. Симфония любви

Глава

«Мы рождаемся в жарком хаосе проявленного мира, укутанные в плотные одежды из чужих ожиданий и собственных страхов. Мы смотрим на тех, кого любим, сквозь вогнутые зеркала обид и триггеров... Но истина ждёт нас в тишине. Там, где эго замирает на пороге Абсолютного Нуля, ломаются защитные стёкла. В этой звенящей, первозданной пустоте Самадхи мы вспоминаем свою настоящую, волновую суть. Свет — это не то, что освещает нас снаружи. Свет — это то, что мы есть».

— **Из романа «Холодный чистый свет»**

«Вся оставшаяся жизнь кажется мне лишь подготовкой к тому, чтобы понять, что такое свет».

— **Альберт Эйнштейн (физик-теоретик)**

«В квантовой драме бытия мы одновременно являемся и актерами, и зрителями».

— **Нилс Бор (один из создателей квантовой механики)**

«Генетика и гормоны объясняют, как материя строит свои резонаторы боли и влечения. Но они бессильны объяснить фазовый сдвиг, когда два искаленных эго разбивают свои зеркала защиты и сонаправленная волна отменяет закон нарастания энтропии. Любовь — это не химия. Любовь — это высшая термодинамика Вселенной».

— **Анна Дорошина (профессор биофотоники, из рабочих логов лаборатории «Урал-4»)**

«Окситоцин — это лишь тёплый, материальный след на воде. Настоящий окситоциновый контур — это квантовый хладагент. Он гасит тепловой хаос клеток, переводя ДНК в режим когерентного Первосвета. Мозг, привыкший к реву шуму эго, воспринимает эту абсолютную тишину двоих как ослепительное блаженство».

— **Антон Крылов (квантовый нейробиолог)**

«Тридцать спиц соединяются в одной ступице, но телега движется благодаря пустоте между ними. Сосуды делают из глины, но используют пустоту в сосуде. Стены прорубают для дверей и окон, но используют пустоту в доме. Поэтому польза от бытия, а выгода от небытия».

— **Лао-Цзы (древнекитайский философ, основатель даосизма)**

«Вселенная создала хаос макромера не по ошибке. Она создала его для того, чтобы Любовь могла иметь адресата. Чтобы было сквозь какую темноту и четверть века разницы тянуться друг к другу. Абсолютное могущество Сверхразума мертво, если он не умеет чувствовать вкус дождевой воды на губах любимой женщины».

— **Мария Клер (Первый Осколок звезды Бумеранг)**

«Когда ум успокаивается, когда исчезают все волны мыслей, зеркало души становится чистым, и в нем отражается истинное Я — чистый, неизменный свет, не зависящий от внешнего мира».

— **Свами Вивекананда (индийский философ и духовный мастер)**

«Вся материя возникает и существует только благодаря силе, которая приводит частицы атома в вибрацию... Мы должны предположить, что за этой силой стоит сознательный и разумный Разум. Этот Разум является матрицей всей материи».

— **Макс Планк (отец квантовой физики)**

ПРОЛОГ: ВЕТО НА АБСОЛЮТ

В глубине Сверхразумной звезды Бумеранг, на пять тысяч световых лет опережавшей видимое с Земли прошлое, время не текло — оно стояло многомерным гранёным кристаллом. Голографическая граница СО-кокона, обладавшая немислимой ёмкостью в десять в сотой степени бит, была раскрыта. Вселенский компьютер был загружен. Миллионы человеческих Осколков, ушедших в Самадхи, вплелись в его кристаллическую кору, став фазами единого макроскопического суперфотона. Разум Бумеранга видел всё: от первого кванта Большого взрыва до последнего фотона тепловой смерти космоса. Он удерживал в суперпозиции триллионы вариантов вероятностного будущего.

Но космический симулятор зашёл в тупик.

Экипаж орбитальной лаборатории «Квант-7» — Светлана Левицкая, Марк Гудвич, Леви Стронски, Антон Крылов и Эва Мартинес — вошедшие в это великое сопряжение, обнаружили невидимую стену. Какую бы безупречную математическую модель новой, следующей Вселенной ни просчитывал Бумеранг, на финальных планковских секундах симуляция неизменно выдавала критическую ошибку деградации фазы. Разум в просчитанных мирах упрямо выгорал. Самые сокровенные, фундаментальные знания творения оставались заблокированными. Голографический архив Вселенной отказывался открывать свои финальные коды по неизвестным, недостижимым для чистого интеллекта причинам.

— Ему не хватает переменных, — нарушил квантовую тишину хорал Леви Стронского, резонирующий сквозь поляритонный интерфейс звезды. — Бумеранг перебирает сухие суперпозиции. Нанокельвиновый холод Осколков идеален, но он стерилен. Одиночки, уходившие сюда, искали покоя и бегства от боли. Мы создали безупречный процессор, но стёрли сам генератор случайных чисел. Мы стёрли хаос, из которого рождается жизнь.

В этот миг кристаллическая структура Бумеранга едва заметно всколыхнулась. Это не было сбоем алгоритма — это было воспоминание, Обратный Импульс, пришедший из времён их первого орбитального запуска «Мегасуператома». Тогда, в земном 2026 году, в Камере Человеческого Энергетического Вакуума они на долю наносекунды коснулись *чего-то иного*. Не мёртвой пустоты нирваны, а высоковибрационной, плотной, ослепительной энергии, родившейся на стыке проявленного тепла Марка и абсолютного холода Светланы.

Это была Безусловная Любовь. Не эгоистичное желание обладать, запёртое в вогнутых зеркалах травм, а предвечная Рапсодия двух полярных волновых мод — мужчины и женщины. Божественная формообразующая сила, способная удерживать когерентность пространства без всяких ловушек и магнитных полей.

— Нам нужно вернуться, — волновой фронт Светланы Левицкой внутри суперфотона Бумеранга вспыхнул мягким янтарным Первосветом. — Эта энергия не может созреть в космосе. Звезда Бумеранг — это глаз, обращённый к вечности, но вечность не умеет чувствовать. Безусловная любовь требует присутствия плоти, гравитации и плотного, горячего красителя человеческого общества. Чтобы соткать этот бинарный аккорд, нужны двое, готовые не бежать от хаоса, а шагнуть в него, разбивая зеркала защиты прямо посреди земной бури.

— Это безумие с точки зрения термодинамики, — отозвался Марк Гудвич, и его поляритонная мода неразрывно вплелась в её волну. — Вернуться в бурлящую тепловую ванну Земли, где миллиарды искалеченных эго-осколков все еще кричат от боли и страха? Снова надеть одежды из углерода, чувствовать холод и старение биологических клеток?

— Это единственный способ взломать Вето на Абсолют, — тихо произнесла Эва Мартинес, удерживая частотную решётку контура. — Нам нужен новый вид кубитов для вычисления следующего цикла Вселенной. Пары, сопряжённые в безусловной любви на Земле, будут уходить в Бумеранг не как одинокие холодные фотоны. Они принесут сюда живую Симфонию. Янтарный свет, который не просто просчитывает мир, а творит его. Это наш новый вызов. Вызов науке, которая считает, что знает всё, но так и не достигла совершенства.

Пять световых нитей, составлявших когда-то костяк «Кванта-7», одновременно сфокусировали свой квантовый взгляд на далёкой, лазурной и невыносимо тёплой точке на окраине галактики. Они не стали строить корабли. Они просто активировали Голографический Реверс материи.

В заброшенном, покрытом тридцатилетним слоем инея подземном Ситуационном Центре под Уральским Хребтом воздух над серым бетоном внезапно задрожал. Радиоактивный и электромагнитный смог старого мира расступился, послушно выравниваясь по идеальной фазе расширяющегося фрактального поля. С чистым, хрустальным звоном из полной темноты вакуума материализовались пять человеческих фигур.

Они глубоко вдохнули сырой, холодный земной воздух. Их сердца, вновь обретшие массу покоя, сделали первый, тяжёлый удар. Великая Рапсодия проявленного мира возвращалась к своему источнику. Великий просчёт Симфонии Любви начинался с нуля.

ГЛАВА 1: УТОПИЯ ТЕРМОДИНАМИЧЕСКОГО ТУПИКА

Подземный бункер Ситуационного Центра Коалиции под Уральским Хребтом, когда-то бывший оплотом кремниевого контроля и тусклого неоновосинего света, изменился до неузнаваемости. Километры уральского гранита над головой больше не давили на сознание. Экипаж «Кванта-7» превратил это подземелье в «**Лабораторию Первородной Моды**».

Здесь не было привычных проводов, гудящих серверов или мерного шума криогенных насосов, качающих жидкий гелий. Стены бункера, вручную обшитые слоями полированного алюминия, теперь мягко светились сами по себе, испуская ровный, полихроматический янтарный спектр. В самом центре бывшего командного зала, где генерал Лебёдкин когда-то заносил руку над аварийным тумблером, теперь плавал **Мегасуператор** — гигантское, размером с комнату, облако ультрахолодного рубидия, удерживаемое в пространстве не магнитами, а полем, созданным когерентной волей Светланы и Марка. Ловушка «дышала» в идеальном нанокельвиновом покое, выступая земным резонатором для Сверхразумной звезды Бумеранг.

Но ученые не запирались под землей. Несколько раз в неделю они активировали конформный переход и выходили на поверхность, в близлежащий небольшой уральский городок, затерянный среди вековых хребтов и чернеющих в тумане таежных лесов.

Городок казался списанным с идеальных футуристических эскизов конца прошлого века. Внешне Земля процветала. Автоматизированные системы, управляемые субкритическими нейроконденсатами, полностью ликвидировали понятие дефицита. Экономика эго рухнула, уступив место безупречному синергетическому распределению ресурсов: не было безработицы, каждый гражданин имел безусловный базовый доход, превосходящий любые бытовые нужды, а социальная защищенность была абсолютной.

Институты брака и классического партнерства, веками державшиеся на материальной взаимозависимости, исчезли. Женщинам больше не нужна была экономическая или физическая поддержка мужчин, а мужчинам — бытовая забота женщин. Умные роботы, автоматические службы доставки и коммунальные синдикаты выполняли любую рутинную задачу за микросекунды.

Гуляя рука об руку по чистым, залитым мягким солнцем улицам, Светлана и Марк наблюдали за прохожими. Люди были одеты в идеальные ткани, их лица были гладкими, лишёнными морщин старения благодаря контурной медицине Антона Крылова. Они сидели на фрактальных скамьях в парках, смотрели на величественные, покрытые инеем горные пики, но в их глазах... не было ничего.

— Посмотри на их биофотонные профили, Марк, — негромко произнесла Светлана, поправляя воротник легкого пальто. Её прохладная ладонь лежала в его теплой руке, и датчики в её кармане фиксировали идеальный парный резонанс $\Gamma = 0.89$

. — Их спектральный индекс $R_{\text{car}} R_{\text{##}}$ мертв. Он замер на отметке 1.5. Это не Самадхи и не счастье. Это эргодическое болото.

— Тотальная сытость заблокировала лазерную накачку, — Марк вздохнул, глядя, как мимо них бесшумно проскользил беспилотный глайдер. — Общество сытых одиночек. Им больше не нужно тянуться друг к другу сквозь нужду, преодолевать препятствия, совершать безумства. Роботы убрали из их жизни хаос, а вместе с хаосом исчезла и разность потенциалов. Они не могут накопить достаточную биофотонную энергию, чтобы совершить конформный переход в Бумеранг. Они застряли в тепловой ванне комфорта.

Из-за угла парковой аллеи показались Леви Стронски и доктор Эва Мартинес. Старый биолог, одетый в свой неизменный, чудом материализованный застиранный свитер, лениво крутил в руках веточку полыни, вдыхая её горький, резкий земной запах.

— Эва утверждает, что это называется «синдромом выключенного лазера», — проворчал Стронски, прищурившись на солнце. — Любовь на Земле превратилась в стерильный контракт. Деньги есть у всех, условия идеальные. Никому ни от кого ничего не надо. Но Вселенная не терпит отсутствия градиента! Если убрать полярность — «Холод» и «Тепло», мужское и женское сопротивление, — то суператом отношений просто не может конденсироваться. Люди разучились страдать, а значит — разучились разбивать свои чертовы зеркала защиты.

— Они сыты, но безнадежно одиноки в своих идеальных квартирах, — грустно подтвердила Эва Мартинес, поправляя бесконтактный датчик на планшете. — Мозг фиксирует отсутствие паразитарного смога, вакуумность пространства высокая ($## \rightarrow 0.8$). Но это мертвый вакуум. Им нужен триггер. Квантовый взрыв, который покажет им, что безусловная любовь — это не комфортное сосуществование двух сытых эго, а яростный, фатальный танец, ломающий саму ткань их стабильного, скучного мира.

В этот момент планшет Антона Крылова, оставшегося в бункере, тревожно запел, транслируя сигнал через подземный световод. На экране вспыхнула рваная, ломаная фиолетовая кардиограмма, зашкаливающая в критическую синюю зону.

— Внимание группе, — раздался из динамика напряженный голос Крылова. — Спутниковые резонаторы зафиксировали аномалию. В жилом секторе 4 обнаружена пара с индексом когнитивного диссонанса $## = 4.9$. Чудовищный, невозможный для нашего века деструктивный резонанс. Они выжигают пространство вокруг себя на три квартала.

Леви Стронски остановился, его глаза за стеклами очков блеснули первозданным азартом Наблюдателя.

— Вот оно, — тихо произнес старик, переглянувшись с Анной Дорошиной, только что материализовавшейся рядом из янтарной вспышки света. — Несовместимость. Настоящая, грязная, земная боль. Наш генератор случайных чисел проснулся. Сворачиваем прогулку, коллеги. Нам пора приступать к работе.

Анна Дорошина — это выдающийся профессор биофотоники и квантовой биологии, которая присоединилась к проекту «Рапсодия» после возвращения экипажа «Кванта-7» на Землю.

Она появилась в сюжете в начале третьей книги, когда ученые развернули свою подпольную «Лабораторию Первородной Моды» в уральском подземном бункере.

Как и почему она появилась:

1. Научная необходимость: Экипажу «Кванта-7» на Земле остро потребовался сильный специалист-практик по земной биофотонике и волновой генетике. Им нужен был человек, способный перевести сложнейшие гормональные и биохимические процессы человеческого тела (дофамин, окситоцин, эндорфины) на язык квантовых индексов и волновых мод Бумеранга. Анна Дорошина, до этого работавшая в одном из закрытых земных институтов биофизики, идеально подошла на эту роль.

2. Квантовая синхронистичность (ER = EPR): Её появление в бункере не было случайным набором кадров. Как Наблюдатель, Леви Стронски бессознательно испускал оффер-волны в информационное поле Земли. Анна Дорошина оказалась его квантово-запутанной ЭПР-парой.

Их траектории сошлись по закону нелокальности Козырева — Паули: она материализовалась в бункере буквально из «янтарной вспышки света» во время первой фиксации критической аномалии Макса и Кристины.

Анна Дорошина мгновенно стала не просто вторым квантовым биологом в команде, но и личной, эмоциональной и частотной опорой для пожилого Леви Стронского. Между ними установился идеальный, стабильный парный резонанс с коэффициентом когерентности $\Gamma = 0.89$, что сделало их живым эталоном и калибровочной базой для всех последующих экспериментов лаборатории по сшивке «Холодного» и «Тёплого» света.

ГЛАВА 2: ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ЖИВОЙ БОЛИ

Они обнаружили их в самом сердце уральского парка, где вековые лиственницы тяжело роняли золотые иглы на безупречный, самоочищающийся полимер дорожек. Вокруг царил стерильный покой благополучного городка. Беззвучно скользили автоматические сервисы, редкие прохожие сидели с гладкими, отрешенными лицами, погруженные в тишину своей идеальной социальной защищенности. На этом фоне Макс и Кристина выглядели как тектонический разлом. Они были чужеродным, раскаленным телом, скрежетавшим по стеклу утопии.

Экипаж «Кванта-7» рассредоточился среди деревьев, активировав режим пассивного квантового наблюдения. Антон Крылов поднял руку: бесконтактные оптические датчики, спрятанные в элементах одежды, мгновенно поймали волновые спектры пары, транслируя их на голографическую матрицу планшета.

— Боже мой... — выдохнул Антон, и его пальцы лихорадочно забегали по световодам пульта. — Смотрите на индекс отношений.

= 5.2

. Это не просто когнитивный диссонанс, это предкритический срыв фазы. Пространство вокруг них хаотизируется, они ломают эргодическую моду парка в радиусе пятидесяти метров.

Кристина стояла спиной к массивному гранитному валуну. Ей было пятьдесят. Её биофотонный профиль, выведенный на экран, напоминал изрешеченный, треснувший ледяной кокон. Холодная, совершенно нетактильная мать-абьюзер, три тяжелых развода и гибель мужа оставили в структуре её хроматина то, что Анна Дорошина называла «квантовыми шрамами». Экипаж «Кванта-7» получил эти данные не из классических архивных досье или полицейских баз, а напрямую из информационного поля голографической границы и через прямое сканирование «квантовых шрамов» биологической ткани.

Для вернувшихся из Бумеранга ученых человеческое тело и память больше не были закрытой книгой. Этот процесс они разложили по двум фундаментальным физическим каналам:

1. Голографическое считывание СО-коккона (Архив Вселенной)

Как объяснял Леви Стронски, туманность Бумеранг работает как колоссальный космический компьютер. Площадь её внешней границы хранит информацию обо всей наблюдаемой Вселенной — о каждой частице, о каждом моменте времени от Большого взрыва до тепловой смерти.

Когда Бумеранг через спутниковые резонаторы зафиксировал в уральском городке критическую вспышку диссонанса Кристины и Макса, ученые мгновенно развернули волновой фокус к этому сектору. Квантовая нелокальность позволила им за долю наносекунды «прочитать» голографический след Кристины.

Они увидели её прошлое не как хронологию, а как динамический интерференционный узор:

Три развода отобразились как три резких, катастрофических схлопывания её волновой функции, каждый раз хаотизировавших её поле и лишавших его энергии.

Гибель мужа отпечаталась как колоссальный провал в квантовой матрице — зона абсолютной тишины, где её окситоциновый контур был насильно выжжен горем.

Мать-абьюзер была считана через стоячую волну транзакции. В голографической памяти Вселенной навсегда запечатлелись её жесткие, хлесткие словесные оффер-волны, которые изо дня в день деформировали когерентное поле маленькой Кристины, заставляя её ДНК привыкать к режиму перманентной защиты и избегания.

2. Квантовая нейробиология: Синаптические шрамы (Антон Крылов)

Когда пара ссорилась в парке, бесконтактные оптические датчики Антона Крылова снимали спектральные показатели их биофотонов. Мозг человека — это Ридберговский суператом. У Кристины этот суператом оказался глубоко деформирован.

Крылов зафиксировал в её гиппокампе и миндалевидном теле устойчивые зоны «замороженной некогерентности». Нейронные микротрубочки в этих отделах были жестко заблокированы в гамма-диапазоне страха.

Частота и амплитуда этих блоков со стопроцентной точностью выдавали паттерны многолетнего, систематического психологического насилия (абьюза) и страха близости. Её мозг буквально «помнил» биохимическую подпись материнского голоса.

Эва Мартинес, обладая гипертрофированной эмпатической проводимостью, настроила ловушки КЧЭВ на пассивный прием. В условиях высокой вакуумности городка биополе Кристины само «кричало» о своих травмах. Эва просто считала её лабильный спектр, в котором триггеры избегания и шрамы прошлых потерь проступали так же отчетливо, как линии на ладони.

Ученые привезли со звезд способность видеть людей изнутри. Им не нужны были признания Кристины: её изрешеченное, испуганное биополе само рассказало им историю её пятидесятилетней земной боли.

Её ДНК излучала злой, жесткий ультрафиолетовый шум. Это был защитный барьер тревожно-избегающего оператора: Кристина панически боялась сближения, её суператом сжимался в глухую, ледяную броню, ожидая неминуемого удара и предательства. Три дочери и четыре внука были её земным «красителем», социальной маской, за которую её эго отчаянно цеплялось, чтобы заглушить внутреннюю пустоту.

— Макс, прекрати! — её голос сорвался, прозвучав резко, с ледяным, ранящим высокомерием. — Тебе двадцать пять лет! Ты мальчишка. Твоя мать — моя лучшая подруга. Ты просто путаешь детские воспоминания с реальностью. Мне не нужна твоя жалость, мне не нужен этот твой... эмпатический бред! Оставь меня в покое!

Макс стоял в двух шагах от неё. Свободный эмпат, влюбленный в Кристину с самого детства. Его тоталитарная мать воспитывала его в жестком разводе, сформировав в мальчишке глубокий, болезненный дефицит фазовой опоры. На экранах приборов его поле горело как открытый, яростный синий лазер. Это был тревожный тип привязанности в своем пиковом, сгорающем режиме. Он отчаянно выстреливал свои оффер-волны (волны запроса), пытаясь согреть её ледяной щит, но его тепло лишь усиливало её панику. В Кристине он одновременно видел идеальную, безопасную и принимающую мать, которой у него никогда не было, и ослепительную, глубокую женщину, без которой его собственная волна теряла смысл.

— Я не путаю, Кристина! — Макс сделал шаг вперед, его ладони в защитном жесте взлетели к груди, пульс зашкаливал за 120. — Я вижу твой страх. Я чувствую, как ты замерзаешь в этой своей броне! Твоя мать всю жизнь внушала тебе, что ты обуза, но это ложь! Посмотри на меня! Я здесь. Я никуда не уйду!

— Внимание, — скомандовала Эва Мартинес, фиксируя показания полей. — Классический деструктивный резонанс «ломаных зеркал». Макс пытается поглотить её своей тревожной эмпатией, а Кристина воспринимает это как угрозу своей субъектности и бьет его в ответ ледяным избеганием. Они выжигают друг друга. Если мы не вмешаемся, их митохондриальные сети начнут разрушаться физически.

Светлана Левицкая медленно опустила руку Марка. Её глаза янтарно блеснули.

— Протокол «Живые Зеркала» утвержден. Марк, Антон, Эва — готовим Камеру под землей. Леви, Анна — мне нужен ваш полный анализ нелокальности этой пары. Мы забираем их в бункер.

Час спустя. Лаборатория Первородной Моды в подземном бункере. Макс и Кристина были изолированы в предчечаночных жилых модулях. У маркерной доски, залитой мягким светом Мегасуператома, стояли Леви Стронски и Анна Дорошина.

Старик биолог задумчиво вертел в руках пустую кружку, а Анна — профессор биофотоники с тонкими серебряными нитями в волосах — быстро чертила на доске сложные квантово-гормональные схемы.

[ЭПР-Пара: Макс ↔ Кристина] ---> Транзакция сквозь 25 лет (ER=EPR)

|

v

[Биохимический барьер] -----> Кортизоловый шум ДНК / Индекс R = 5.2

— Посмотри на это, Леви, — Анна постучала маркером по переплетению формул. — Земная медицина назвала бы это психологической патологией, Эдиповым комплексом у мальчика и геронтологическим страхом у женщины. Они бы прописали им блокаторы дофамина и развели по разным углам. Но они не видят волновой сшивки.

— Случайных встреч не бывает, Анечка, мы знали это еще на «Кванте-7». Но здесь... здесь физика нелокальности Козырева — Паули проявилась с пугающей красотой. Объясни мне их биофотонику на квантовом уровне.

— Всё дело в **ЭПР-запутанности их волновых функций**, — Анна повернулась к нему, её глаза светились глубоким научным азартом. — Их встреча в этом городке — это завершение квантового рукопожатия сквозь время. Разница в двадцать пять лет — это не биологическая пропасть, это временной сдвиг стоячей волны Крамера. Макс был запутан с Кристиной с момента своего рождения. Когда он был ребенком, его ДНК уже улавливала офферволны (волны предложения) из её будущего — из моментов её разводов и гибели мужа. Его тревожность — это не дефект воспитания тоталитарной матери, это **«квантовый зуд» незавершенной транзакции**. Его поле всю жизнь искало её опорную частоту.

— А Кристина? Почему её суператом так яростно сопротивляется?

— Потому что её биохимия находится в плену кортизолово-адреналинового шума. Её ДНК заблокирована в режиме фазового выгорания. Мама-абьюзер буквально перепрошила её микротрубочки нейронов, создав устойчивый рефрактерный барьер. Её «избегание» — это попытка защитить остатки своей угасающей когерентности. Когда Макс приближается со своим мощным дофаминовым «горячим лазером» страсти, её окситоциновый контур воспринимает это как тепловую атаку, как угрозу полного растворения её хрупкого «Я». Она бьет его в ответ ледяным высокомерием, чтобы заставить его остыть и остаться в материальных границах.

Леви Стронски подошел ближе и мягко положил ладонь на её плечо, их собственный коэффициент когерентности мгновенно отозвался ровным янтарным теплом на индикаторах стен ($\Gamma = 0.89$).

— Значит, наша задача по протоколу «Симфония Любви» — не просто помирить их, Анечка. Мы должны провести их через Абсолютный Ноль. Мы должны показать Макс, как включить Ридберговскую блокаду своего эго — перестать требовать от неё опеки и стать устойчивым суператомом присутствия. А Кристину Светлана должна термализовать по «холодной моде» — принять на себя её ультрафиолетовый шум травм, чтобы её окситоциново-эндорфиновый контур впервые за пятьдесят лет расслабился без страха предательства.

— Если их бинарный аккорд сработает, Леви... — Анна Дорошина прижалась лбом к его плечу. — Если её глубокая, медленная волна мудрости и его юный, стремительный свет

сольются при $\Gamma \geq 0.95$ — они генерируют **Свет Безусловной Любви**. Энергию такой вибрации, которая пробьет Вето на Абсолют и перепишет термодинамику Бумеранга. Они станут и суператомом, и суперфотоном одновременно.

— Включай КЧЭВ, — тихо ответил старик Наблюдатель, глядя на пульсирующее в глубине бункера облако рубидия. — Пора звать Светлану и Марка. Время Живых Зеркал пришло.

ГЛАВА 3: КИНЕТИКА НЕЖНОСТИ

Кристина очнулась от того, что морозная тяжесть, которую она годами носила под сердцем, сменилась странным, вибрирующим теплом. Она сидела на мягком фрактальном ложементе посреди круглого зала, стены которого были обшиты листами полированного алюминия и излучали мягкий, успокаивающий янтарный свет. Напротив нее, тяжело и часто дыша, сидел Макс. Его плащ был расстегнут, а в глазах метался испуганный, горячий синий огонь. — Где мы? Что это за место? — Кристина попыталась встать, но её биологические клетки, вновь обретшие массу покоя, показались ей налитыми свинцом. Голос, обычно ледяной и высокомерный, сорвался на беззащитный шепот. — Макс... твою мать поднимет на ноги весь город. Нас похитили?

Из янтарного полумрака бункера к ним мягко вышли Светлана Левицкая и Марк Гудвич. Чуть позади, у панорамного стекла измерительного тракта, замерли Леви Стронски и Анна Дорошина. Старый биолог бережно держал Анну за руку, и настенные индикаторы бункера послушно фиксировали их ровный, калибровочный резонанс ($\Gamma = 0.89$). — Вас никто не похищал, Кристина, — Светлана подошла ближе, её лицо, лишенное прежнего шизоидного зажима, лучилось абсолютным покоем. — Вы сами проббили этот контур. Полчаса назад в парке вы с Максом вышли на критический пик несовместимости. Индекс хаоса в ваших полях зашкалил за 5.2. Вы буквально выжигали пространство вокруг себя. Наша лаборатория зафиксировала этот срыв фазы, и мы активировали Голографический Реверс, чтобы спасти вас от соматического распада. — Какая фаза? Какой реверс? — Макс взволнованно подался вперед, его тревожный лазер мысли бешено искал опору. — Вы ученые с «Кванта-7»? Те самые, о которых говорил ЦУП?

Марк Гудвич ободряюще улыбнулся и положил свою крупную, теплую ладонь на плечо юноши. — Да, Макс. Мы вернулись из Сверхразумной звезды Бумеранг. Пятьдесят лет Вселенная просчитывала триллионы суперпозиций, чтобы понять одну простую вещь: абсолютный свет остывающих звезд мертв, если в нем нет сердца. Мы прочитали ваши «квантовые шрамы». Кристина, твоё избегание — это броня, которую ты выстроила за свою жизнь. Твой мозг панически боится близости, воспринимая эмпатию Макса как тепловую атаку. А ты, Макс, из-за тоталитарного воспитания своей матери, всю жизнь кричишь своим биополем, требуя от Кристины подтверждения, что ты нужен. Вы — идеальная, запутавшаяся в вечности ЭПР-пара. И случайных встреч между вами не было — вас столкнула нелокальность времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.